

НАТАЛИ ЗИЛЛИ

Четвёртая мировая

Натали Зилли

Четвертая мировая

«Э.РА»

2015

Зилли Н.

Четвертая мировая / Н. Зилли — «Э.РА», 2015

Натали Зилли хорошо знакома с жизнью и бытом большинства социальных слоев многих городов Европы и Ближнего Востока. Глобальный экономический кризис, теория эволюции, общечеловеческие ценности и другие аспекты бытия. Как они взаимосвязаны между собой? «Четвертая мировая» – первая книга автора. Побудительным мотивом для написания книги послужило неуклонно растущее международное напряжение. Автор убежден, что, если случится непоправимое – победителей не будет. Книга написана в жанре politics & science fiction и рассчитана на широкий круг читателей.

© Зилли Н., 2015

© Э.РА, 2015

Содержание

От автора	5
Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Натали Зилли

Четвертая мировая

От автора

Уважаемый Читатель!

Я представляю Вашему вниманию свою первую книгу, в которой в простой форме изложен ряд имеющих быть сегодня место событий и явлений. Определённые ситуации и стереотипы, а также гендерные и профессиональные отношения представлены в моём романе с разных точек зрения. Что хорошо, а что плохо; что правильно, а что ошибочно; что должно быть, а чем можно пренебречь; компромисс или конфронтация... Выбор полностью за Вами, Читатель. Я всего лишь рассказчик.

Время – единственно реальная величина, которой владеет каждый из нас. Поэтому, цена своё, а, следовательно, и чужое время, я была кратка в написании «Четвёртой мировой». Только по делу и по существу. Ничего лишнего. Минимализм в написании – моя характерная черта. Время, которое могло быть потрачено на чтение повторяющихся отрывков или необязательного словоизлияния, существенно не влияющего на развитие сюжета, на мой взгляд, лучше использовать на размышления о прочитанном.

И, в заключении, хотела бы упомянуть о незаслуженно забытой роли латинского языка, который является основополагающим фундаментом для подавляющего большинства современных европейских языков. Жаль, что знание латинского языка сегодня является лишь уделом избранных. Я включила некоторые латинские слова и выражения в повествование романа, – и те, возможно, сделают его текст более насыщенным.

Желаю Вам приятного прочтения!

Пролог

Любое, даже самое невероятное будущее, всегда имеет свои «корни» в настоящем. Поэтому размышления не только о том, что должно произойти, но и о том, что возможно произойдёт, могут сослужить лучшую службу человечеству.

Натали Зилли

Ранним весенним утром по побережью одного из островов в Тихом океане брёл мужчина неопределенного возраста. На вид ему могло быть как тридцать пять, так и пятьдесят пять лет. На самом деле шла всего лишь тридцать восьмая весна его жизни. Мужчина выглядел печальным и отрешённым. Из одежды на нём было только нечто, напоминающее набедренную повязку. Данный человек принадлежал к европеоидной расе: имел светлую кожу и большие зелёные глаза. К сожалению, ничего нельзя было сказать о цвете его волос, так как наш одинокий путник был лыс.

Утро выдалось божественным: океан был спокоен, воздух свеж, дул лёгкий бриз, слышались голоса чаек, и вся природа, казалось, дышала гармонией. Солнце начинало свое восхождение на востоке и понемногу золотило безмятежную гладь океана. В лучах восходящего солнца океан переливался всеми мыслимыми оттенками синего. Идущий вдоль побережья остановился, чтобы полюбоваться на игру света и воды – он был очарован ею. Вдохнув воздух полной грудью, мужчина заметил, насколько тот свеж и бодрящ. Лёгкий бриз ласкал полуобнажённое худощавое тело путника.

Проникнувшись всей прелестью окружающей его природы и текущим временем суток, путник лёг на песок и попытался ощутить своё единение с матерью землёй. Он почувствовал умиротворение. Податливый песок принял форму его тела и приятно хрустел при малейшем движении мышц. Бриз приятно волновал обнажённую поверхность кожи. Всё вокруг дополняло и усиливало качества друг друга. Гармония казалась абсолютной. Состояние умиротворения стало переходить в состояние блаженства. Наш герой пролежал так около часа, наслаждаясь бытием.

Затем в его памяти всплыли события раннего детства – время, когда ему было лет пять. Он отчётливо увидел образ молодой женщины, объясняющей ему что-то и нежно смотрящей на него. Затем он вспомнил их совместную прогулку и её заботливое участие к нему. Он фактически ощутил её любовь. Мужчина знал: эта женщина – его мать. В памяти всплыл и образ отца: мужчины сдержанного, но доброго. Отец одобрительно смотрел на него.

«Мама, мама, как ты отличаешься от местных женщин, – подумал он. – Я думаю, что тебя и отца давно уже нет в живых. Я отдал бы всё, лишь бы опять оказаться среди людей моего настоящего рода. Здесь я чужой. И все вокруг – чужие», – с горечью подумал мужчина.

Незаметно состояние блаженства стало переходить в несколько противоположное ощущение: появились сожаление и какое-то чувство безысходности. Мужчина привстал с песка и сел, опираясь на согнутые колени. Воды океана по-прежнему переливались всеми оттенками синевы, солнце нежно пригревало, а бриз ненавязчиво волновал – природа была безупречна в своём проявлении. Чего нельзя было сказать о душевном состоянии нашего героя теперь: его настроение из положительного стремительно двигалось в диаметрально противоположную сторону.

Практически всю свою жизнь этот мужчина провёл на этом острове, обитателями которого были два племени дикарей, время от времени враждовавших между собой. Наш герой жил на территории одного из племён, но никогда не ощущал себя его частью, хотя в условиях дикой природы ему помогло вырасти именно это племя. Всё его существо отторгало жизнь и

быт островитян и восставало всякий раз, когда он предпринимал попытки самоотождествления с ними. Он честно пытался проникнуться жизнью «своего племени»: участвовал в охоте на зверей и ловле рыбы, в защите территории своего племени и набегах на территорию соседнего, был женат на соплеменнице. Но, чем больше усилий было принято им в направлении внутренней ассимиляции с коренным населением острова, тем сильнее рос его внутренний протест. Всё вышеперечисленное тяготило его с каждым днём всё больше и больше. Он осознавал, что его жизнь среди дикарей вынужденная, что он принадлежит к абсолютно другому племени, что всё, что он делает здесь с ними – чужое, не его. Поэтому он решил оставить их и жить один на отдалённой части острова, которая не интересовала ни одного из его обитателей.

Какое-то время нашего героя никто не тревожил и не посещал. Однако два дня назад к нему пришли соплеменники и сказали, что сегодня их племя выступает войной против соседей, и он обязан поддержать их. Вождь был радикально настроен на захват земли соседей и обязал всех мужчин племени выступить с ним.

Мужчина сидел и размышлял о своей жизни. Зачем ему идти на бой с соседями? Зачем убивать их? Для того, чтобы опять проживать бессмысленную жизнь среди непонятных и чужих ему людей? Зачем самому быть убитым соседями и мучиться от ран? Для чего вообще этот поход? Еды у племени на ближайшее время было достаточно, других ресурсов – тоже. Размышляя так, наш герой пришёл к сознательному выводу, что ничто не связывает его с происходящим на острове. Единственное, чего он желал – это быть оставленным в покое. Но, понимая, что в условиях надвигающейся междоусобицы покой – непозволительная и недоступная роскошь, он решил покончить с собой. В последнее время мысль о суициде иногда мелькала в его голове, однако серьёзно никогда не цепляла его сознание и всегда оставляла равнодушным. Но сейчас эта идея постепенно захватывала его разум и начинала господствовать там. Вскоре она единолично овладела сознанием нашего героя и трансформировалась в твёрдое намерение, которое подняло мужчину с песка и подвело к океану.

С полной уверенностью в правильности своего выбора он шагнул в воды океана, чтобы слиться с ним и навсегда остаться его частью.

Глава 1

Мировой экономический форум стартовал в январе в одной из стран Западной Европы. Участниками форума являлись правительства государств с более или менее ведущими мировыми экономиками, некоторые из правительств быстро развивающихся стран, а также сто богатейших людей мира, чьи капиталы в сумме составляют больше, чем сумма всей, имеющейся у трёх с половиной миллиардного населения планеты, наличности.

Все как обычно следили за ходом процесса форума, на повестке дня которого обсуждались предложения выхода из затяжного экономического кризиса и дальнейшее развитие мировой экономики. Все надеялись на плодотворное взаимодействие денег и власти. Те, кто не имел достаточно средств были ведомы голодом обладать большим и жаждали чуда от тех, кто имел их в избытке. Последние же ждали новых предложений от первых и полагали, что новые направления в бизнесе внесут в их жизнь ещё больше разнообразной деятельности и возможностей и избавят от пресыщения уже имеющимся. Все хотели знать, что будет дальше, но никто чётко не предполагал, что делать и куда идти. Все надеялись на всех.

Наряду с затяжным глобальным экономическим кризисом обострилась внешнеполитическая обстановка в мире.

В вечном противостоянии супердержав разменной монетой становились их бывшие или настоящие страны-партнёры, которые наивно полагали, что новый хозяин будет лучше предыдущего и даст больше, нежели старый. Хотя, *ad vocem*¹, ожидания эти практически никогда не оправдывались. И на проверку оказывалось, что существующий порядок вещей не так уж и плох, и что «старый друг стоит новых двух».

Однако вернёмся к нашему экономическому форуму. На подобного рода мероприятиях помимо известных политиков всегда можно встретить ведущих экономистов мира, глав ведущих инвестиционных фондов и компаний, крупных промышленников и производителей. И, если обстоятельства благоприятствуют, то можно задать вектор направления развития определённого сектора экономики или бизнеса на ближайшее время.

Одним из участников форума являлся господин Лютер Нарвин, предпочитающий больше наблюдать за происходящим и слушать его участников, нежели участвовать в дискуссиях и выдвигать предложения. Суть бизнеса господина Нарвина заключалась в определении и выборе потенциально выгодных направлений инвестирования. Поэтому всё время форума Нарвин являл собой абсолютное внимание, чтобы уловить *куда*, а главное – *почему* будет дуть «финансовый ветер» в ближайшем будущем.

Другой из участников данного мероприятия, – господин Марк Уденберг, – не в пример господину Нарвину, являлся активным и постоянным участником диспутов и дискуссий, пропагандируя развитие и инвестирование исключительно реальных секторов экономики. Господин Уденберг неустанно и жёстко критиковал существующее положение вещей и настаивал на жестком контроле рынка бумаг со стороны государства.

Нарвин и Уденберг являлись гражданами одной страны, в которой деньги почитались за божество. Однако их взгляды на обладание божеством существенно различались. Нарвин считал, что при соответствующих условиях, знаниях и обстоятельствах к божеству можно прикоснуться играючи. Тогда как Уденберг был уверен, что только благодаря упорному труду и жёсткой экономии средств можно иметь символы божества в наличии. Оба они исходили из обстоятельств своего личного опыта, и оба по-своему были правы. Проекция жизненного опыта каждого фундаментально отпечаталась во взглядах на «*panem quotidianum*»².

¹ К слову заметить (*лат.*).

² Хлеб насущный (*лат.*).

Глава 2

Господин Лютер Нарвин являлся достаточно видным и энергичным мужчиной пятидесяти пяти лет, имел средний рост и крепкое телосложение. Он обладал несколько резкими чертами лица, которые, в сочетании со спокойной уверенностью его больших голубых глаз, выделяли его лицо из толпы. Одна деталь немного омрачала облик Лютера Нарвина: он с рождения хромал на правую ногу. Однако Нарвин давно привык к своей хромоте и не стремился избавиться от неё. Нарвин имел блестящее образование и манеры, а также репутацию человека справедливого, честного и благонадёжного.

Нарвин происходил из достаточно известной и богатой семьи. Еще в молодости унаследовав крупное состояние от своего отца, в период своей зрелости он практически удвоил его. Сферой деятельности Нарвина были финансы: он являлся владельцем и главой одного из крупнейших инвестиционных фондов своей страны. Его фонд шёл первым в списке рекомендуемых правительством частных инвестиционных фондов. Таким образом, десятки миллионов его сограждан ежемесячно перечисляли определённую сумму на счета его фонда в качестве пенсионных вложений. Сумма наличности, циркулирующей в финансовом учреждении Нарвина, была колоссальной. И эту сумму он мог удвоить и утроить, если правильно рассчитает *где, куда и когда* поместить имеющиеся капиталы. А финансовое чутьё у Лютера Нарвина было отменным.

Нарвин был желанным гостем всегда и везде: калибр его личности и его финансовые возможности открывали перед ним практически любые двери.

Вчера, после окончания экономического форума, Нарвин вернулся из Западной Европы и сейчас пребывал в размышлениях от увиденного и услышанного там. Он анализировал всю поступившую информацию, сравнивая её с уже имеющейся и проецируя на собственные системы знаний и опыта. «Да, ситуация неоднозначная. Однако при желании во всём можно найти свой «плюс». Или, в крайнем случае, сделать плюс из взаимодействия двух «минусов». Так на что же похож потенциальный «плюс» сегодня? Или какие два потенциальных «минуса» могут сделать этот «плюс?» – размышлял Нарвин, сидя в офисе своей компании.

Сегодня в десять утра Лютер Нарвин ожидал визита своего адвоката. Он решил написать завещание и оформить его в соответствии с буквой закона. У Нарвина было ещё пять минут до назначенной встречи, и он продолжал свои рассуждения на заданную тему. Вскоре его секретарь по внутренней связи сообщила, что господин Лонсд, адвокат, прибыл. Нарвин попросил секретаря пригласить того войти к нему в кабинет.

– Доброе утро, господин Нарвин! Как ваши дела? – приветствовал адвокат Лютера, войдя в кабинет своего самого крупного клиента и направляясь к столу, за которым тот расположился.

– Доброе утро, господин Лонсд! Спасибо. Как ваши? – отвечал ему хозяин кабинета, вставая и обмениваясь рукопожатием.

– Пожалуйста, присаживайтесь, – Нарвин жестом указал на ближайший из стульев напротив себя. – Мисс Конс, пожалуйста, принесите нам два эспрессо, – нажав кнопку внутренней связи, обратился он к секретарю.

– Как обстоят дела в мире экономики и финансов? – обратился Лонсд к своему клиенту. – Что интересного происходило на форуме?

– Ничего нового, господин Лонсд. Те же самые тенденции, характеристики и конъюнктура рынка, – туманно ответил Нарвин.

В кабинет вошла секретарь с двумя чашками эспрессо. Пряный аромат кофе приятно пощекотал носы двух собеседников.

– И какие направления более или менее перспективны сегодня? – продолжал беседу адвокат.

– Их может быть неограниченное множество. И в любой момент самое перспективное направление может превратиться в рухлядь и *vice versa*³, как говорили римляне, – отвечал Нарвин, попивая свой кофе.

– На ваш взгляд – существует ли реальный шанс выхода из сегодняшнего финансового тупика? – продолжал расспрос адвокат.

– Шанс существует всегда. Вопрос только в том, с какой стороны к нему подойти, – ответил Нарвин, выпив свою порцию кофе.

– Да, экономика и финансы – наука сложная и непостижимая, по крайней мере для меня. Я никогда не понимал и, скорее всего, не пойму, как можно делать деньги из воздуха. Юриспруденция, закон и право куда естественней для моего ума, – заключил адвокат.

– Для меня, господин Лонсд, напротив, операция со словом и буквой закона – непроглядная тьма. Ума не приложу, как вы добиваетесь оправдания подсудимого или осуждённого, когда, казалось бы, все факты против него. На мой взгляд, операции с денежными знаками и их эквивалентами гораздо естественней, – заключил со своей стороны Нарвин.

Собеседники обменялись многозначительными и понимающими взглядами. Всякий раз, когда эти двое общались, – вне зависимости от темы и рода общения, они проникались всё большим чувством собственной значимости в своих глазах и симпатией по отношению друг к другу. Каждый из них занимался своим делом и был в нём Профессионалом. И оба знали цену настоящему профессионализму.

– Цель, с которой я сегодня пригласил вас ко мне, господин Лонсд, заключается в составлении моего завещания. Я решил завещать абсолютно все свои активы в пользу моей жены. Давайте составим завещание в трёх экземплярах, один из которых будет храниться у вас, один я оставляю в сейфе своего рабочего кабинета и один собственноручно вручу моей жене.

– Я уважаю ваше решение, господин Нарвин. Однако, должен спросить у вас: хорошо ли вы подумали? Иногда случается, что наследник избавляется от своего благодетеля, прознав и про гораздо более скромное наследуемое имущество. В вашем же случае – это десятки миллиардов.

– Я благодарю вас за вашу заботу, однако у меня есть веские основания полагать, что моя жена – женщина бескорыстная. Именно поэтому, осознавая этот факт, я хочу обезопасить её законным правом на мои десятки миллиардов в случае моей смерти. Я подозреваю, что может появиться большое количество желающих воспользоваться моим имуществом вкупе с доверчивостью и неведением моей жены.

– Хорошо, я понимаю. Есть ли у вас предпочтения относительно текста завещания?

– Я полностью полагаюсь в этом вопросе на вас.

– Тогда я предлагаю стандартный текст завещания с полным перечислением всех ваших активов.

– Я согласен.

Нарвин вызвал секретаря и попросил предоставить в распоряжение адвоката полный список своих активов.

Через час написание завещания было закончено. Нарвин подписал каждый из трёх экземпляров, один из которых вручил своему адвокату, второй запер в сейфе своего рабочего кабинета и третий положил в свой портфель с целью передачи документа жене сегодня вечером.

Вопрос о наследовании одного из крупнейших мировых состояний был решён. Лютер решил отпраздновать это событие вместе с виновницей торжества, пригласив супругу на ужин в один из старейших ресторанов города.

³ Наоборот (*vice versa*) – *лат.*

Глава 3

Господин Уденберг, один из участников раннее упомянутого форума, решил поспешить домой сразу после его окончания. Работа, работа и ещё раз работа торопили его покинуть столь чудесный город в его зимнем убранстве в день закрытия мероприятия.

Марк Уденберг, мужчина пятидесяти лет, доктор экономики, являлся советником Президента своей страны по экономическим вопросам. Помимо этого он читал лекции по экономике в нескольких крупных университетах страны и слыл большим специалистом в своей области. Природа, наградив Марка Уденберга недюжинными умственно-аналитическими способностями, путем постоянного труда переросшими в дарование, а затем и в талант, крайне поспешила на внешние достоинства. Уденберг был маленького роста и астенического телосложения, имел мелкие черты лица и невыразительный взгляд. Ко всему прочему, он косил на правый глаз, и в минуты усталости, физического или умственного напряжения его косоглазие резко бросалось в глаза. Сирота от рождения, лишённый родительской любви и поддержки, несовершенный физически, он достиг всего того, чего далеко не всегда достигали его более везучие собратья, а именно – авторитета и высокого положения. Таким образом, Уденберг являлся ярким воплощением «голубой мечты» своего народа: достигнуть всего собственным упорным трудом, подняться со дна жизни к самой её вершине. Даже Президент страны в душе восхищался его трудолюбием и волей. Уденберг имел репутацию человека принципиального и жёсткого, иногда даже жестокого.

Марк Уденберг являлся поклонником философии и истории, и каждый вечер проводил за чтением и анализом того или иного соответствующего труда. Сегодня вечером всё его внимание было сосредоточено на явлении эвтаназии в целом и в фашистской Германии – в частности.

Эвтаназия, слово греческого происхождения, означающее «убийство из милости» или «милосердное убийство». В идеале эвтаназия означает прекращение физических страданий больного путем введения смертельно высокой дозы снотворного или другого медицинского препарата с согласия больного, и признаётся конституционным правом выбора человека в ряде стран.

В основе нацистской версии эвтаназии лежал труд Адольфа Йоста «Право на смерть», опубликованный в 1895 году, в котором тот утверждал, что контроль над смертью человека должен принадлежать государству. Через несколько десятилетий последователи Йоста, – такие, как Карл Биндинг и Альфред Хох, – подведут теоретическую базу для создания нацистской версии эвтаназии, – программы Т4, которая официально была внедрена в фашистской Германии в 1939 году.

Согласно программе Т4, люди были ценны исключительно с точки зрения их вклада в жизнь общества. «Какую пользу обществу и государству может принести психически больной, больной наследственным физическим заболеванием или гомосексуалист? – вопрошал Гёббельс, министр пропаганды страны третьего рейха в своих обращениях к нации. – Состояние болезни у такого человека вечное, оставить после себя здоровое потомство он не может, или не может оставить вообще никакого потомства. Следовательно, оставлять их в живых является полным безумием, а содержание «жёлтых домов» и им подобных учреждений – безумием вдвойне!»

Согласно программе Т4, физически и психически больное население Германии являлось неоправданной статьёй расхода в бюджете государства, а, следовательно, подлежало уничтожению. Программа Биндинга и Хоха была встречена на «ура» руководством фашистской Германии и немедленно взята на вооружение страной третьего рейха. «Машина» за чистоту арийской нации заработала во всю мощь. Во время действия программы нацистов Т4 по разным оцен-

кам было убито от 250 000 до 350 000 немцев. Партийные бонзы страны третьего рейха пропагандировали массовое уничтожение «недостойных» жизни, апеллируя такими понятиями, как расовая чистота и перераспределение медицинских и других ресурсов для тех, кто «достоин» поддержки и жизни.

Уденберг прервал своё чтение и задумался. «Безусловно, то, что натворил Гитлер – жестоко, бесчеловечно и осуждаемо. И Нюрнбергский процесс над руководством фашисткой Германии в 1946 году поставил в этом вопросе точку, – рассуждал он. – Однако, идея Гитлера относительно эвтаназии «неполноценного» населения своей страны не лишена экономического смысла. Он хотел оптимизировать имеющиеся финансовые ресурсы и использовать их с максимальной пользой. Как экономисту мне понятны причина и направление его мысли. Если предположить, что расходы бюджета страны на содержание 300 000 человек полностью урезаны, то, возможно, получится более или менее приличный резерв, который можно перенаправить на развитие и поддержку другой статьи бюджета».

Уденберг поднялся с кресла и стал прохаживаться по комнате, продолжая свои размышления на тему перераспределения средств в бюджете фашисткой Германии. Взглянув на старинные настенные часы, он отметил, что время приближается к одиннадцати ночи: в это время он обычно ложился спать. «Завтра будет новый день и время работать. А сейчас пора спать», – заключил Уденберг и поспешил в свою спальню, чтобы отдаться власти Морфея.

Глава 4

За пару недель до вышеупомянутого форума, немного южнее места, в котором тот состоялся, произошла ещё одна встреча. Встреча была неофициальная и носила дружественный характер. Её участниками стали некогда бывшие коллеги, один из которых до сих пор возглавляет правительство своей страны и является там абсолютным лидером, другой – предан остракизму в политике у себя дома, – как минимум, сегодня.

– Добрый вечер, дорогой! – приветствовал опальный политик своего позднего гостя на пороге собственного дома. – Как я рад вас видеть!

– Добрый вечер! Я тоже рад нашей встрече! – ответил гость, широко улыбаясь.

Двое мужчин обнялись. Они испытывали искреннюю симпатию друг к другу и были рады вновь увидеться и пообщаться. Их симпатии основывались на схожести взглядов на жизнь и суть вещей, однако методы достижения и проведения целей в жизнь существенно различались. Именно поэтому тот, кто пришёл в гости, уже более десятка лет уверенно возглавлял свою страну, а тот, кого навестили, постоянно выстраивал комбинации, чтобы удержаться на плаву и, в конце концов, оказался за бортом правительственной лодки.

Наши герои поспешили в гостиную. На дворе стоял декабрь, и погода располагала к уюту домашнего очага. Хозяин дома распорядился приготовить брюле, – горячее красное вино с сахаром и специями. Брюле был приготовлен и принесён, а старые знакомые оставлены наедине в гостинной.

– Мой милый друг! Я признателен вам за вашу дружбу, – начал хозяин дома. – Сейчас, когда я предан остракизму в политике – вы один из немногих, кто продолжает общаться со мной просто так, без желания «успешной инвестиции моих миллиардов». Я благодарю вас за предложение переехать в вашу страну. Но что я буду там делать?

– Будете жить спокойно, – ответил гость.

– Вы знаете, мне уже за семьдесят, и в мои годы, как правило, не меняют место жительства и среду обитания. Я прожил долгую и интересную жизнь, в которой было всё. Я – один из богатейших мужей Европы, кумир десятков миллионов людей, четырежды глава правительства своей страны и тот, о ком до сих пор говорят и спорят. Неужели я могу позволить себе уподобиться крысе и бежать?

– Ну, зачем так радикально? – заметил гость. – Предположим, что вы захотели развеяться и навестить другую страну, которая впоследствии вам понравилась настолько, что вы решили остаться там.

– Это не меняет сути. К тому же этим я дам шанс своим врагам заработать на моём отъезде их «политические дивиденды». Не могу же я лично способствовать их карьерному росту! – возмутился опальный политик.

Собеседники продолжали разговор, потягивая горячий брюле. За окном подходил к концу последний месяц года. Подходил к концу и очередной календарный год, который принёс свои радости и разочарования, взлёты и падения каждому из собеседников.

– Возможно, в чём-то я ошибался, в чём-то по-своему правы мои гонители, – продолжал хозяин дома, – но я всегда хватал Фортуны за юбку: то поджидая её, то догоняя. Я привык брать от жизни всё. *Consuetudo est altera natura*⁴, как вы знаете. Посмотрим, что будет, когда буря уляжется.

– А вы уверены, что буря уляжется? – озабоченно заметил гость. – Исходя из текущего положения вещей, вы, скорее, проигрывающая сторона. Может, плюнуть к чертовой матери на всё и ретироваться? – предложил гость.

⁴ Привычка – вторая натура (*лат.*)

Немного помолчав, опальный политик ответил:

– Я буду откровенен с вами, уважаемый друг. Если бы сейчас смертная казнь существовала в нашем законодательстве, и мой смертный приговор должен был быть приведён в исполнение завтра, то я бы дожидался своего часа здесь. Я бы предпочёл однажды сгореть факелом Нерона в своём родном городе, чем годами гнить на чужбине, пусть даже и в роскоши. Я предпочту смерть героя жизни предателя. *Malo periculosam libertatem quam quietum servitium*⁵. Плохой ли я, хороший ли, но я хочу умереть, как патриот своей страны. Если не современники, то потомки оценят меня.

Воцарилась пауза. Собеседники с уважением и пониманием смотрели друг на друга. Каждый из них осознал, что не ошибся в выборе своих симпатий в прошлом. Они ощущали свою принадлежность к одной и той же породе людей, хотя и к разным её подвидам: оба являлись прожженными волками – один в бизнесе, другой в политике.

– Права пословица, говорящая, что друзья познаются в беде, – прервал паузу хозяин дома. – Вот вы, например, невзирая на мою опалу, на свою полнейшую занятость и позднее время суток, навестили меня и интересуетесь моим положением, даже помощь предлагаете. А кто-то уже поставил на мне крест. Особенно обидно, когда это делают твои должники или те, кто работают на тебя.

– Перебежчики из стана дружбы в стан врага – не редкость в политике, – заметил гость. – Однако согласен с вами – пахнет скверно.

– Я вот этими руками, – продолжая разговор, хозяин дома поднял свои руки на уровень лица, – взрастил собственного могильщика, сделав его министром и своим представителем в правительстве. А он, сукин сын, вёл себя услужливо, пока мои дела шли более или менее в гору, и отрёкся от меня сразу после моего отстранения из сената!

Опальный политик встал с кресла и подошёл к камину. Огонь в камине жадно пожирал деревянные поленья, издавая довольный хруст. Хозяин дома любил смотреть и слушать, как горит огонь, как он расширяет пространство своего владения, распространяясь вширь и ввысь. Наш герой ассоциировал себя с огнём, с его мощью и энергией, с его манерами и поведением. «Огонь может быть потушен, – думал он, глядя на огонь в камине и проецируя свою текущую ситуацию на него, – но он так же легко может разгореться вновь от одной только искры», – хозяин дома улыбнулся. Немного подержав ладони над пламенем, он вернулся в своё кресло в несколько приподнятом настроении.

– Вы знаете, дорогой гость, я только что подумал, что всё ещё может перемениться. Жизнь – непредсказуемая штука, и Фортуна женского пола, а я всегда был бабником и брал всё от первой и от второй. Может статься, что завтра моя масть опять окажется в козырях. Я буду внимательно следить за тем, как идёт игра, и войду в неё, как только представится случай.

– Я полагаю, что вы всегда в игре, – заметил гость, допивая свою порцию брюле, – просто сейчас у вас нет достаточно козырей, чтобы сделать свой ход. Пусть ваши соперники играют, а вы будьте начеку.

– Спасибо за поддержку. Я именно так и делаю.

– Ну, будем надеяться на лучшее, а сами не плошать, – заключил гость и поднялся со своего кресла. – Я благодарю вас, уважаемый, за тёплый приём, приятную беседу и отличный брюле. Мне было очень приятно пообщаться с вами как в старые добрые времена, которые, я уверен, ещё вернутся к вам.

Оба мужчины смотрели друг на друга как в зеркало: каждый из них узнавал в другом себя.

– А сейчас я спешу откланяться, – продолжал гость, – так как мне ещё лететь в один из ваших северных городов, где завтра утром у меня очередная встреча. Я желаю вам удачи!

⁵ Я предпочту свободу с опасностью миру в рабстве (*лат.*)

– Спасибо! Вам того же, – ответил хозяин.

Старые знакомые обнялись на прощание и расстались.

Через несколько лет после этого разговора разъярённая толпа некогда бывших сторонников и обожателей ныне опального политика, любовь и поддержка которых однажды проложили ему путь на политический Олимп своей страны, предъявит ему счёт в виде обманутых надежд, несбывшихся ожиданий, потерянных лет и отсутствий перспектив, и в качестве компенсации попытается отобрать самое ценное, что только может быть у человека.

Ну, а пока наш герой полон сил и решимости продолжать свою игру. Как много изменилось со времён его первого избрания главою правительства, и как всё одновременно по-старому: либо мир вращается вокруг тебя, либо ты бежишь за ним. «Ничего, – думал он, – не в первый раз я за бортом. Тем желаннее будет моё возвращение туда, где я должен быть по праву. А пока надо подумать – с кем объединиться, чтобы развалить действующее правительство коммунистов и предателей».

Глава 5

Обычно Лютер Нарвин проводил все будни на работе или на мероприятиях, связанных с ней. Однако в последний год он сократил своё пребывание в офисе до полудня. С тех пор, как женился, Нарвин предпочитал обедать в обществе жены. Его жена, Ульма, не была поклонницей хождения по ресторанам, поэтому, в большинстве случаев, обедали и ужинали они дома. В доме Нарвина работал искусный повар, но госпожа Нарвин часто предпочитала готовить обеды и ужины для мужа *тапи ргоргі*⁶. Такая забота со стороны жены трогала сердце нашего финансового гения. В душе он по-детски радовался её материнскому участию в организации своего быта при более чем разумном расходовании средств семейного бюджета. Несмотря на широту натуры, в характере своей жены Нарвин ценил такое качество как бережливость.

Приехав домой, Лютер, как обычно, застал жену в последних приготовлениях к предстоящему обеду. Уловив ароматы, идущие с кухни, он в предвкушении удовольствия поспешил к столу. Запах вкусно приготовленной еды усилил и без того возбуждённый аппетит. Обед был подан и съеден. После его окончания Нарвин решил немного расслабиться, сидя на диване в гостиной и любуясь видом из её окна. За окном начинал накрапывать дождь. Ульма принесла свежеприготовленный сорбет, который они распили за компанию. Оба чувствовали себя счастливыми. Они мечтательно обсуждали свои планы на будущее.

– Угадай с трёх раз: какая у меня для тебя новость? – интригуяще спросила жена.

Лютер сделал три безрезультатные попытки.

– Дорогой, ты не угадал. Я беременна.

Кровь ударила в мозг Нарвина при услышанном, – он никак не ожидал услышать подобную новость. Он поднялся с дивана и подошёл к окну. Глядя на дождливый пейзаж за окном, Нарвин пытался обуздать чувства гнева и досады, охвативших его. Ульма, не предвидя такой реакции мужа, настороженно смотрела на него. Взяв под контроль свои эмоции, муж повернулся к жене:

– Я много раз говорил тебе, что не хочу иметь детей. Почему сейчас ты ставишь меня перед фактом своей беременности, не принимая во внимание моё желание?! – отчеканил Нарвин голосом с металлическими нотками.

– Почему ты наотрез отказываешься от рождения детей? – парировала его вопрос жена, подходя к мужу и пристально глядя ему в глаза. – Ведь это естественно, когда мужчина и женщина живут под одной крышей и спят под одним одеялом.

– Хорошо. Давай присядем, – сказал Лютер, показывая жене на диван.

Присев и усадив жену рядом, Нарвин продолжил беседу:

– Ульма, мы с тобой взрослые люди. У каждого из нас есть свои «скелеты в шкафу». Я ни разу не упомянул тебе о твоём прошлом, и я надеялся, что ты не заставишь меня говорить о моём. Перед нашей женитьбой я настаивал на отсутствии детей. Так?

Ульма слегка кивнула головой.

– Я осознаю, что должен был раскрыть перед тобой все карты с самого начала. Тогда бы тебе была ясна причина моего поведения. Однако у меня не хватило смелости говорить с тобой о моём прошлом раньше. Теперь у меня нет выбора молчать о нём. Слушай, – Лютер отрешённо посмотрел на жену.

Ульма внимательно и с напряжением смотрела на мужа.

– Я никогда раньше не говорил тебе о том, что когда-то был женат. Более того, у меня было двое детей. Моя дочь в возрасте пятнадцати лет наложила на себя руки. Мы даже не

⁶ Собственноручно (лат.)

смогли похоронить её на нашем кладбище, так как самоубийцам в этом отказано. Мой сын, – гей и наркоман, – умер несколько позже от передозировки наркотиков.

– Боже мой! Какой кошмар! – жена пришла в ужас от услышанного. Она даже не могла себе представить, что её муж пережил двоих собственных детей. – Что стало с твоей бывшей женой? – еле слышно спросила она.

– У неё помутился рассудок, и она скончалась чуть позже.

Воцарилась пауза. Тягостное молчание нарушила Ульма:

– Я искренне сочувствую твоему горю, но не понимаю до конца – почему мы не можем иметь детей?

– Тебе известно, что моя хромота обусловлена генетически? – задал встречный вопрос муж.

– Даже если и так, почему из-за этого надо убивать нашего ребёнка? – вопрошала жена.

– Во-первых, моя хромота и самоубийства двух моих детей – две стороны одной медали, которая называется дегенерацией рода. Во-вторых, не убивать ребёнка, а прерывать беременность в связи с высокой вероятностью наследственной патологии. Ты хочешь воспитывать идиота, извращенца или самоубийцу?! – заявил Нарвин, начиная терять контроль над собой.

– Но ведь ты обладаешь живым умом и ясным рассудком! Почему от тебя должен родиться урод?! – не желая принимать категоричные аргументы мужа относительно продолжения рода, настаивала жена.

– Дорогая моя, – он повернул её к себе, крепко взял за плечи и, пристально глядя ей в глаза, продолжил, – именно поэтому я осознаю, что являюсь последним достойным представителем своего рода. Природа ставит на нём крест, о чём свидетельствует моя врождённая хромота и двое нежизнеспособных отпрысков. Я хочу оставить добрую память о нашем роде, а не душевнобольных и недоразвитых потомков.

– Я сделаю всё, от меня зависящее, чтобы наш ребёнок вырос достойным человеком, – твёрдо глядя в глаза мужу, пообещала жена.

– Боюсь, дорогая, существуют вещи, над которыми ты не властна. Одна из них – генетика. И поэтому прямо сейчас ты едешь к нашему доктору делать аборт.

– Но дорогой, – слёзы градом лились у неё из глаз, – пожалуйста, дай шанс родиться этому ребёнку! Ты ведь знаешь, что я люблю тебя, и сделаю всё, что смогу, для тебя и него! Я умоляю тебя!

– Ульма, я искренне признателен тебе за твою благодарность и терпение. Это высшее, на что я могу рассчитывать. Именно поэтому ты моя жена и пользуешься всем, что принадлежит мне. И именно поэтому в случае моей смерти ты наследуешь всё моё движимое и недвижимое имущество до последнего цента. Также я хочу оставить в память о себе тёплые чувства и воспоминания, а не ужас, отчаяние и безысходность.

Нарвин опять подошёл к заливаемому струями холодного дождя окну и стал всматриваться в пейзаж за ним. Волна воспоминаний накатила на него, воскресив призраки прошлого и похороненных в нём чувств. Боже, как давно это было! И вместе с тем он помнил всё до мельчайших подробностей. Перед глазами Нарвина возник образ его покончившей с собой дочери: она лежала в наполненной водой ванне с простреленной головой, сжимая в опущенной руке пистолет. На её лице застыла лёгкая улыбка. На столике рядом с ванной лежала написанная ею записка: «Дорогие родители! Мне надоело влачить бессмысленное земное существование, к которому принуждает меня ваш никчёмный мир. Поэтому я ухожу. Ваша непокорная дочь».

Позднее один генетик, – профессор и доктор медицины, – объяснил Нарвину определённую закономерность такого исхода событий. Согласно изложенной им теории, любой биологический род рано или поздно заканчивает своё существование путём остановки репродукции или рождением особей с врождёнными психическими или физическими отклонениями, такими, как шизофрения, разного рода мании, «волчья пасть» и другие. Таким образом, остав-

ленное потомство с наследственными заболеваниями вырождалось естественным образом в своём или в двух следующих поколениях. По глубокому убеждению профессора, преднамеренное самоубийство одного из родственников являлось верным признаком дегенерации рода.

Глава 6

Доктор медицины и профессор Артемио Аррегин – мужчина шестидесяти лет, среднего роста, худощавый и очень активный для своего возраста, иногда даже суетливый. Он обладал приятными чертами лица и имел густую абсолютно седую шевелюру. Официально доктор относился к разряду холостяков, хотя сам он считал, что женат на Генетике и беззаветно предан ей. Доктор Аррегин – одна из немногих звёзд первой величины в мировой генетике, в чью специализацию входят наследственные генетические заболевания, – как синдром Дауна, например, или гемофилия. Аррегин внёс весомый вклад в практическое развитие и конкретизацию знаний относительно поведения «больных» генов и его возможной коррекции. Является лауреатом Нобелевской премии в области медицины. Аррегин безгранично верит в то, что генетика призвана сделать жизнь человечества качественно лучше, так как убеждён, что все недуги человеческие, – телесные и духовные, – берут своё начало в комбинации генов. Дифференцировав эти генные комбинации и найдя действенный способ коррекции их негативного влияния, профессор Аррегин мог осуществить революционный прорыв в медицине.

Несколько лет назад доктор медицины Аррегин обратил своё пристальное профессиональное внимание на теорию дегенерации, и в настоящий момент являлся ярым её последователем. Теория дегенерации возникла в Европе в середине девятнадцатого века и была представлена в трудах Бенедикта Мореля, Чезаре Ломброзо, Рэя Ланкестера, Генри Модсли и других европейских учёных мужей своего времени. Доктор Аррегин имел несколько отличный взгляд на видение явления дегенерации, нежели вышеупомянутые основоположники данной теории.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.